

Дмитрий Васильевич Григорович

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/grigorovich/opochinin_grigorovich.html.

Как-то в восьмидесятом году, а может быть, и восемьдесят первом году, в Обществе поощрения художеств на Большой Морской мне кто-то из приятелей указал Дмитрия Васильевича, который был секретарем этого Общества и вершил все его дела. Это был высокий тонкий старик с изящной головой, обрамленной серебряными волосами с непослушным вихорком, свесившимся на лоб, с седыми бакеннами и усами. Быстрые движения, небрежным бантом повязанный мягкий галстук и монокль на черной ленточке - все придавало этой фигуре несколько легкомысленный вид. Вскоре я познакомился с ним и потом видался нередко то у общих знакомых, то на литературных вечерах, то в театре, но никогда в его домашней обстановке. Я был тогда очень молод, но несмотря на это Д.В. при встречах и моих посещениях Общества поощрения художеств беседовал со мной серьезно, и я увидел, что впечатление легкомыслия у меня исчезло: во всех оттенках речи, в обращении прежде всего сказывалась доброта и сердечность.

Голос, мягкий и глубокий, прямо проникал в душу. При всем том быстрая и живая речь сверкала блестками остроумия, живой и искренний юмор проникал каждую черту его лица во время бесед; нередко забавный и остроумный анекдот вкрапывался в его речь и оживлял беседу. В общем это был очаровательный образ старика с живым юношеским умом, разнообразным и блестящим, с душой нежной и глубоко чувствующей. И никакого лицемерия, никакой наигранности не замечалось в нем, все было просто и естественно, хотя нередко едкие сарказмы срывались у него с губ и злая насмешка сбивала с пьедесталов целые ряды взгромоздившихся на них не по заслугам авторитетов. Таков в моих глазах был Д.В. Григорович. О нем, пожалуй, можно было бы сказать: "Для красного словца не пожалеет ни матери, ни отца", но у него это было не только "для красного словца". Вся его натура, тонкая и богатая, мимовольно, сама собой, поднимала бич насмешки над всем, что ему казалось мелким, пошлым и ничтожным.

Помню я, в разговоре с Д.В. как-то проскользнуло имя Г.П. Данилевского, известного "исторического" романиста и моего шефа по службе (в редакции "Правительственного вестника"). Д.В. сделал значительное лицо, как-то особенно поднял брови, всем обликом своим пародировал сановника и, подняв вверх указательный палец, напыщенно произнес:

- О, он, пожалуй, самый большой писатель наших дней... В нем от всего великого найдешь понемногу: частица есть от Гоголя, и от Толстого, от кого угодно. И все ровно и гладко, слово к слову нижется, как волосок к волоску на голове прилизанного петербургского чиновника. И при этом он страшно ревнив к успехам других, и, мне кажется, он готов был бы запретить всю русскую литературу, кроме самого себя и одного-двух благосклонных к нему критиков.

Когда Е.Я. Головачева-Панаева в своих "воспоминаниях" в "Историческом вестнике" облила грязью память Н.А. Некрасова, Д.В. в коротенькой беседе со мной по этому поводу между прочим заметил:

- Ну что ж, тут нечему удивляться и нечем возмущаться: старушка несла всю жизнь тяжелое ведро помоев, и нет вины со стороны тех, кого они зацепили, когда она их расплескала.

В Петербурге Д.В. бывал всюду - от представителей литературной богемы до самых высоких аристократических кругов, и, странное дело, этого ему не ставили в вину чернильные души рядовых литературных собратий. Он был своим человеком и у Шереметевых, и у князя Ф.И. Паскевича, и всюду держался с гордым достоинством, и его элегантно, но устаревший костюм шел к нему лучше мантий вельможи. И общество, в котором он бывал, никогда не скучало: там звучала остроумная речь, слышались веселые рассказы и анекдоты, сыпались дождем искорки юмора.

Помню, в двадцатипятилетие Общества поощрения художеств я получил от Дмитрия Васильевича приглашение на празднество и сопровождавший его обед, за которым собралось немало художников. Все корифеи нашей живописи были налицо, но Ю.Ю. Клевер почему-то отсутствовал. К концу обеда, за шампанским, беседа оживилась, посыпались рассказы, анекдоты. Кто-то упомянул о таможенной войне с Германией, и вдруг В.И. Якобий, обращаясь к Д.В. Григоровичу, спросил:

- А как вы думаете, какого генерала надо будет послать занять Берлин, если война делается настоящей?

- А, пожалуй, хоть Клевера, - нимало не подумав, ответил Григорович.

- Браво, браво, - закричал Якобий, а с ним и другие. - Конечно, Клевера. Этот что займет - уж